

Завершился Год российского кино, объявленный указом президента РФ. Он начинался и закончился бодрыми разговорами о подъёме отрасли

Решив вернуться в сферу кинопоказа, государство изыскало средства для строительства и реставрации 150 кинотеатров в городах с населением 100000 человек. В будущем планируется открыть ещё 450 кинотеатров, причём рассмотрят и заявки городов с меньшим числом населения. Стремление привлечь как можно больше зрителей и получить прибыль возымело действие: прокат отработовал о восьмимиллиардном доходе. Такой суммы не было за все 25 лет рынка.

ПРАВДА, утешительные цифры на этом кончаются. Да и не так уж они утешительны. Вспомним: в советское время ежегодно выпускалось около 200 новых художественных лент. А были ещё сотни документальных, научно-популярных, учебных. И все они находили спрос, приносили прибыль, а главное, создавали прекрасный творческий и нравственный климат, распространяли знания, работали на общую культуру.

В наше время о таких цифрах и думать не приходится: в уходящем году снято 90 художественных фильмов, выпущено на экран куда меньше. Количество документальных и анимационных лент исчисляется единицами, о научно-популярном и учебном кино говорить вообще не стоит. Все отечественные фильмы пробиваются на экран в жестокой борьбе с зарубежной продукцией. Достаточно сказать, что ежегодно в прокат вбрасывается 300 иностранных художественных лент. Министерству культуры так и не удалось ввести НДС на их демонстрацию, было лишь подписано соглашение с прокатчиками о том, что доля российских фильмов в кинопоказе должна быть не менее 20%. Но и эта цифра оказалась недостижимой. И вот почему. Кинотеатры рады бы показывать отечественную продукцию, но у прокатчиков зачастую нет копий. Советские фильмы выпускались большими тиражами. Даже картина, получившая 3-ю категорию, имела 800 копий. А уж фильмы 1-й категории получали 4500 копий. В настоящее время такие тиражи кажутся фантастическими. Многие фильмы существуют в 3—4 копиях. 10 копий — это уже неплохо. А 25 копий видятся в мечтах. Не найдя отечественного фильма у региональных прокатчиков, кинотеатры напрямую обращаются в центр. И вот что симптоматично: в 95 случаях из 100 они просят прислать советский фильм.

«Советское кино» — это уже бренд, высокая марка. Когда зритель намерен дать новому фильму высочайшую оценку, он говорит: «Это советское кино». Такой похвалы удостоились в последнее время «Легенда №17» и «28 панфиловцев», получившие самый высокий рейтинг. «Экипаж» не заслужил такой оценки, хотя был ремейком советского фильма. Зритель разглядел его подражательность: «американское кино». Это тоже широко известное определение, зачастую не имеющее отношения к заокеанской продукции.

Появилось и такое понятие — «добрый фильм». Зритель тянется к нормальным людям на экране, которые никого не преследуют и не убивают; он соскучился по человеческой теплоте, по добрым и открытым отношениям. Он не прочь даже получить какое-нибудь моральное поучение. Отсюда такой кассовый успех комедии Жоры Крыжовникова «Самый лучший день» — незамысловатой истории, давно отыгранной, скажем, в фильме «Любовь и голуби». Безалаберный, но симпатичный инспектор ГАИ заморочил голову девушке, сделал ей предложение, а тут появилась залётная птичка — то ли модель, то ли актриса, — инспектор не устоял. Простит или не простит его невеста — на этом строится вся интрига. Конечно, в новогоднюю ночь она его прощает, причём ликует по этому поводу чуть ли не весь город, собравшийся на площади. В фильме есть острые наблюдения, точные детали, смешные ситуации — публике нравится. О психологической достоверности сюжета, конечно, никто не думает. Что тут лукаво мудрствовать — посмотрели и забыли.

У таких «добрых фильмов» много поклонников. Они воспринимают кино как развлечение, как возможность «отдохнуть» от житейских проблем. Отсюда и нетребовательность к экрану. Зритель больше не воспринимает кино как великое искусство. Ведь постичь его силу можно, только знакомясь с подлинно талантливыми и содержательными произведениями, которые дают представление о кинематографической выразительности и вместе с тем открывают мир больших событий и чувств. Но такие фильмы сегодня не снимают.

Уж сколько раз говорилось в печати и с высоких трибун, что кино не должно только развлекать, служить времяпрепровождению. Это могучее средство воспитания народа в духе патриотизма, гуманизма и достоинства. Но — как об стенку горох.

Какую воспитательную роль играет фильм Оксаны Карас «Хороший мальчик», получивший вдруг главный приз на 27-м Российском кинофестивале «Кинотавр»? Сюжет вертится вокруг увлечения девятиклассника учительницей английского языка. Она приглашает его домой, угощает вином, потом целует и со словами «я на минутку» бежит принять душ. Каково? Школьник пустился наутёк домой. Вы подумали: смутился, испугался? Да ничего подобного, он тоже решил помыться перед сексом. Продвинутые критики говорят, что к этому надо относиться с юмором. Ну правда, очень смешно: парень спешно ополоснулся, а чудака-отец не отпускает его из дома: мол, уже поздно, половина десятого. Во всём виновата акселерация! Правда, subtilный школьник не производит впечатления акселерата, но тем смешнее, верно?

Есть в фильме интересные персонажи: отец «хорошего мальчика» (К. Хабенский), директор школы (М. Ефремов). Но это фигуры второго плана. А на первом плане — класс бездумных охламонов, озабоченных только танцами и «проблемами пола». До секса, правда, дело не доходит — дабы не шокировать зрителей.

Честное слово, надоело уже возмущаться щедростью Фонда кино, который перечисляет государственные деньги молодым дарованиям с фигой в кармане. Поощряет их тем самым на создание фильмов в лучшем случае пустых и глупых, а иногда и просто подлых, антинародных, несущих заряд ненависти и презрения к человеку. Может быть, в своих заявках эти авторы выступают с совершенно иными намерениями? Может, они, что называется, втирают очки экспертам? Остаётся думать, что эксперты готовы обманываться — лишь бы не препятствовать свободе творчества.

Молодой режиссёр И. Твердовский поставил фильм «Класс коррекции». Видимо, в заявке он писал, что в целях гуманизма хочет посвятить своё произведение детям с ограниченными возможностями, их учёбе, отдыху и труду. Да мало ли чего можно написать ради денег. На деле получился патологический фильм об отморозках. Физическое уродство тут помножено на духовное. Ключевой эпизод в фильме: два дегенерата заманивают героиню фильма в западню, чтобы изнасиловать, но до этого опять-таки дело не доходит — вопреки логике событий. И хочется, и колется режиссёру опуститься ниже плинтуса, но нельзя: сейчас не 1990-е годы. Лучше воздержаться: тут всё-таки школа.

Зато в следующем фильме «Зоология» ему удаётся проявить свои патологические наклонности в полной мере — и опять при государственной поддержке. Зрителю предлагается проследить за судьбой героини, у которой неожиданно вырос длинный хвост. Работница зоопарка уподобилась животным — каков сюжетный ход! Обидная патология поразила самую обыкновенную безобидную тётеньку, которой предстоит сжиться со своим уродством. От хвоста, наверное, можно было избавиться хирургическим путём, но тогда не было бы и фильма.

Режиссёра интересует, как ведёт себя несчастная в сфере различных отношений: общественных, производственных, интимных. Будет и эротическая сцена в клетке зоопарка. Больное авторское воображение ни перед чем не останавливается. Зритель должен наблюдать за происходящим со смешанным чувством нездорового любопытства, жалости и физиологического отвращения. Ради этого стоит ходить в кино? К концу фильма зрителю предстоит понять, что у каждого человека есть хвост — это его комплексы, которые мешают жить. Но надо ли освобождаться от этих комплексов в угоду нивелированному «пошлому» общепринятому мнению?

Это стремление стать в позу по отношению к «серой» массе очень характерно для так называемых «избранников» и «творцов». Самое страшное, что они действительно одарены способностями к творчеству и, овладев средствами киноязыка, могут добиваться абсолютной достоверности каждого эпизода, несмотря на фантастичность или же полную невероятность сюжета. Этот «реализм», конечно, привлекает зрителя, заставляя его подчиняться магии экрана и верить этому провокационному искусству.

Таковы фильмы Ю. Быкова «Майор» и «Дурак». Казалось бы, он до мелочей знает своих героев, среду их обитания, но это знание он использует для демонстрации человеческой низости и подлости. Зло у него многолико и агрессивно, оно всегда побеждает добро, персонифицированное в одном слабом человеке. Во имя чего избирается такая

концепция? Уж во всяком случае не для очищения общества — оно-то и выступает носителем зла.

Всё, что декларируется в обращениях власти к кинематографистам, чаще всего отражается в их фильмах с точностью до наоборот. Большие ожидания были связаны с премьерой фильма многоопытного П. Лунгина «Дама Пик» — мнилось тут присутствие Пушкина и Чайковского, очарование театрального мира. Но ничего этого в фильме не оказалось. Зато хватило мизантропии, пессимизма и мифотворчества самого низкого пошиба, способного ударить по нервам. Зрители присутствуют при двухчасовой садистской расправе режиссёра со своими героями. Фильм просто раскультурирует человека, отвращает его от оперного искусства, убивает в нём чувство прекрасного.

«Дамой Пик» завершились большие ожидания Года российского кино. Пора подвести черту. Но чиновники не унимаются: правительство Москвы решило объявить будущий год Годом московского кино. Подготовлена большая программа, включающая премьеры, фестивали, премии.

По этому случаю хочется напомнить, что в 2014 году правительство Москвы продало за 9,4 миллиарда рублей 39 бывших муниципальных кинотеатров зарубежной компании ООО «Эдисонэнерго». Среди них были как неработающие и полуразрушенные, так и успешно действующие: «Алмаз» на Шаболовке, «Горизонт» на Комсомольском проспекте, «Прага» на Нижней Масловке. Компания уже объявила о превращении этих кинотеатров в районные смарт-центры. После реконструкции основными в этих смарт-центрах станут торговые площади.

Какова забота о массовом зрителе? А туда же — Год кино!

По страницам газеты «Правда», Лариса Ягункова